

Николай Михайловский

Комментарии к «Бесам»

Николай Михайловский
Комментарии к «Бесам»

«Public Domain»

1873

Михайловский Н. К.

Комментарии к «Бесам» / Н. К. Михайловский — «Public Domain»,
1873

ISBN 978-5-457-13099-9

«Я только на днях прочитал его последний роман „Бесы“, уже в отдельном издании, и по прочтении мне пришел в голову следующий вопрос: отчего г. Достоевский не напишет романа из европейской жизни XIV–XVI столетия?..»

ISBN 978-5-457-13099-9

© Михайловский Н. К., 1873
© Public Domain, 1873

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Николай Константинович Михайловский Комментарии к «Бесам»

<...> Я только на днях прочитал его последний роман «Бесы», уже в отдельном издании, и по прочтении мне пришел в голову следующий вопрос: отчего г. Достоевский не напишет романа из европейской жизни XIV–XVI столетия? Какое ведь там обширное поприще представляется для его блестящего психиатрического таланта (иначе я не могу назвать талант г. Достоевского). Все эти бичующиеся, демономаны, ликантропы¹, все эти макабрские² танцы, пиры во время чумы и проч., весь этот поразительный переплет эгоизма с чувством греха и жаждой искупления, – какая это была бы благодарная тема для г. Достоевского. Мне почему-то вспомнился Декамерон, и я уже сравнивал игривые и легкомысленные арабески Боккаччо с тем, как воспользовался бы этой темой г. Достоевский. Но я очень быстро оборвал нить этих соображений и едва не вскрикнул: «ах я телятина!» С какой в самом деле стати г. Достоевскому заниматься таким далеким временем и такими чужими делами? Просто мне глупость пришла в голову. Какие тут макабрские танцы и шабаши ведьм, с чего? Это так. Но почему бы не воспользоваться г. Достоевскому такими моментами, как, например, наше масонство? Может быть, из декабристов нашлись бы для него подходящие фигуры. Или вот, например, «духовный союз» Татариновой³, или история Грабящей⁴. Да и вообще царствование Александра I и начало царствования Николая Павловича так и просятся под перо г. Достоевского. Если наконец и это для него слишком отдаленное время, то он и нынче может найти благодарнейшие мотивы в некоторых раскольниковых сектах, в монастырской жизни, наконец в спиритизме. Я видал всего одну только спиритку, но положительно говорю, что лучшего материала г. Достоевскому не найти.

Однако, это становится любопытно. Как ни верти, а г. Достоевский точно намеренно обходит все те темы, которые дали бы ему возможность развернуть свой блестящий талант. Скажут, может быть, что перечисленные темы требуют особого, специального изучения. Это правда. Но, спрашивается, изучал ли г. Достоевский те темы, которые им эксплуатируются, и принадлежат ли они фактически к числу тем, преимущественно для его таланта пригодных? Небезынтересно рассмотреть это дело несколько поближе. Замечу на всякий случай, что я очень уже давно читал старые произведения г. Достоевского и только «Мертвый дом» помню с достаточной отчетливостью. Материалы для моей беседы с г. Достоевским ограничиваются «Преступлением и наказанием», «Бесами» и «Дневником писателя». Было бы очень любопытно проследить весь ход развития идей и таланта г. Достоевского; но я должен отказаться от этой интересной задачи.

Можно с различных точек зрения различно классифицировать многочисленные действующие лица нового романа г. Достоевского. Но я попробую разделить их на несколько категорий с точки зрения отношения к ним г. Достоевского *как писателя*, причем и выяснятся особенности его таланта.

Мы найдем в «Бесах», во-первых, несколько фигур, сделанных очень топорно и вовсе г. Достоевскому не принадлежащих. Это молодые люди, говорящие: «нынче нет привидений,

¹ Ликантроп – душевнобольной, воображающий себя волком.

² От разг. фр. *Macchabee* – мертвец.

³ Татаринова Екатерина Филипповна (урожденная Буксгевден; 1783–1856) пользовалась покровительством Александра I; основала близкий к скопцам и хлыстам «Духовный союз», а потом и колонию под Петербургом, закрытую в 1837 году Николаем I. Сослана в монастырь.

⁴ Галяцкий полковой судья Григорий Иванович Травянка (ум. ок. 1735–37) составил историческую хронику казачества (1710), большая часть которой посвящена борьбе Богдана Хмельницкого с поляками. Доведена до 1708 года. Сохранилась во многих списках.

а естественные науки»; девушки, разъезжающие из города в город, «чтоб заявить о страданиях несчастных студентов и возбудить их повсеместно к протесту», и т. п. Эти шаблонные образы, играющие в романе последнюю роль, автором не продуманы и не прочувствованы, а взяты на прокат у гг. Стебницких и Ключниковых⁵. Некоторое исключение, впрочем, составляют более или менее самостоятельно отделанные и потому более или менее человекообразные фигуры жен Шатова и Виргинского. Всю эту группу г. Достоевский окрещивает именем «идеи, попавшей на улицу».

Затем идет ряд образов, принадлежащих г. Достоевскому наравне с другими русскими беллетристами. Они, разумеется, очень разнообразны по поэтической концепции, по своей нравственной идее, по роли, занимаемой ими в романе, и проч. Но я их ставлю в одну категорию потому, что всем им можно подыскать параллели в произведениях других наших романистов и все они в то же время суть самостоятельного создания г. Достоевского. Например, тип идеалиста сороковых годов эксплуатировался у нас весьма часто. Г. Достоевский берет его, но берет с некоторых новых сторон и потому придает ему свежесть и оригинальность, несмотря на избитость темы. Если бы я имел в виду собственно критический разбор «Бесов», то я непременно занялся бы этими поучительными параллелями. Но я пишу только заметки. Большая часть лиц этой второй категории в «Бесах» удачны, а некоторые даже превосходны. Если прекрасные фигуры упомянутого идеалиста сороковых годов, Степана Трофимовича Верховенского, и знаменитого русского писателя Кармазинова, читающего свой прощальный рассказ «Мегси», – впадают местами в шарж, то фигуры супругов Лембке положительно безупречны.

Третья категория для нас самая интересная. Здесь группируются образы, составляющие в русской литературе исключительную собственность г. Достоевского. Таких довольно много в «Бесах»: Ставрогин, Шатов, Петр Верховенский, Кириллов, Шигалев. Общее между этими лицами то, что все они находятся на границе нормального и ненормального состояния духа. Все они ведут странный образ жизни, все высказывают странные мысли. Весьма важно, однако, заметить, что это не сумасшедшие. Г. Достоевский любит иногда рисовать и таких. Так в «Бесах» есть намеки на временное умопомешательство Ставрогина; есть сумасшедшая Лебядкина-Ставрогина, есть сходящий на глазах читателя с ума Лембке. Но не в этом состоит, специальность г. Достоевского. Его любимые герои держатся на границе ума и безумия, нормального и ненормального состояния воли. Это или люди, находящиеся в сильно возбужденном состоянии, или мономаны, имеющие возможность сочинять и проповедовать весьма замысловатые теории.

Гризингер⁶ в своем сочинении о душевных болезнях замечает: «Некоторые поэтические изображения умалишенных превосходны во многих чертах, взятых с натуры (Офелия, Лир, лучше всех Дон-Кихот), но так как поэт представлял эти состояния почти исключительно с духовной стороны, как результат предшествовавших столкновений, выставляя только то, что могло служить ему для этой цели, и совершенно обходя органическое их основание, то и описание его по крайней мере односторонне». И далее: «Поэтические и моралистические представления не только бесполезны и теоретически ошибочны, но и положительно вредны в практическом отношении. Они дали людям, не знающим дела, такие представления о душевных болезнях, которые не имеют даже и отдаленного сходства с действительностью, и когда представления эти не соответствуют ей, у такого человека является

⁵ М. Стебницкий – псевдоним Н. С. Лескова, под которым он выпустил роман «Некуда» (1864), вызвавший ярость социал-радикальной критики за нелицеприятное изображение «нетерпеливцев». В. П. Ключников (Ключников; 1841–1892) в том же 1864 году опубликовал роман о российском разладе эпохи реформ «Марево», также встреченный бранью в «Искре» и «Русском слове», что заставило молодого писателя навсегда отказаться от злободневной проблематики.

⁶ Книга «Душевные болезни» выдающегося немецкого психиатра Вильгельма Гризингера (1817–1868) была переведена на несколько языков, в том числе – на русский (неоднократно переиздавалась).

сомнение, действительно ли это душевная болезнь. Как наивно удивляются многие посетители дома умалишенных, представлявшие себе его жителей совершенно иначе!.. Таковы требования психиатра. Но, конечно, они слишком строги. Обыкновенный читатель не психиатр и очень редко эмпирический психолог, поэтому в Дон-Кихоте, например, для него имеют совершенно второстепенный интерес те именно черты, которые с психиатрической точки зрения, может быть, особенно дороги например, галлюцинации ламанчского героя. Поэтому, называя выше талант г. Достоевского психиатрическим, я не то хотел сказать, чтобы им верно изображались уклонения разума и воли от нормального состояния. Об этом я судить не могу. Думаю, что, как и всякому наблюдателю, интересующемуся известным кругом явлений, г. Достоевскому случается и делать верные наблюдения, и впадать в фальшь. Но некомпетентность эта не мешает мне, как и всякому другому, судить о психиатрических субъектах г. Достоевского с эстетической и нравственной стороны, Дон-Кихот занимает меня, как художественное произведение и как нравственный тип, хотя бы я имел самые смутные понятия о процессах галлюцинаций и иллюзий. Литературная критика и голос толпы оценили Дон-Кихота задолго до психиатров.

Относительно г. Достоевского дело облегчается еще тем, что, несмотря на свою склонность к изображению безумия, он редко рисует его только как процесс. В большинстве случаев он решает при помощи своих психиатрических субъектов какую-нибудь нравственную задачу и большею частью придает решению мистический характер. Он, если позволена будет некоторая восточность метафоры, разыгрывает на струнах душевной болезни нравственно-политические мотивы. В „Бесах“, как и в „Преступлении и наказании“, как и в „Идиоте“, он устраивает целые оркестры такого рода. Он делает это двояко. Либо он берет какой-нибудь психологический мотив, например, чувство греха и жажду искупления (мотив, его особенно интересующий), и заставляет его действовать в образе. Вы видите, например, что человек согрешил, его мучает совесть, он налагает наконец на себя какую-нибудь епитимию и тем достигает душевного спокойствия. Это один прием. Он был применен г. Достоевским в „Преступлении и наказании“. В „Бесах“ неудачную попытку этого рода представляет Ставрогин. Другой прием состоит в том, что измученному душевною болезнью человеку влагается в уста известное разрешение какого-нибудь нравственного вопроса. В „Бесах“, к сожалению, преобладает второй прием. Говорю: к сожалению, потому что прием этот, очевидно, невыгоден в художественном отношении. Одно из действующих лиц последнего романа г. Достоевского говорит: „не я съел свою идею, а моя идея меня съела“⁷. Это могли бы сказать об себе весьма многие герои г. Достоевского. И это тип без сомнения в высшей степени интересный и поучительный. Но одно дело показать его как тип, как живой образ, на глазах читателя действительно пожираемый своею идеею. И другое дело заставить человека без устали проповедовать пришитую к нему идею. А таковы большею частью герои «Бесов» (я разумею героев третьей категории, излюбленных героев г. Достоевского). Они пожираются своею идеею в совершенно другом смысле. Дело в том, что у г. Достоевского такой громадный запас эксцентрических идей, что он просто давит ими своих героев. В этом отношении его можно сравнить с Бальзаком. Приведем два-три примера.

В числе всякой губернской сволочи, увивающейся около губернаторши, m-me Лембке, есть некто Лямшин. Это мелкая гадина, трусливая, глупая, скверная. M-me Лембке наконец выгоняет его от себя, но приятели убеждают ее прослушать «новую особенную штучку на фортепьяно», которую выдумал Лямшин. Штучка называется «Франко-Прусская война». «Начиналась она грозными звуками Марсельезы:

⁷ В «Бесах» Петр Верховенский говорит Кириллову: «...не вы съели идею, а вас съела идея...» (ч. 3, гл. 4).

Qu'un sang impur abreuve nos sillons⁸

Слышался напыщенный вызов, упоение будущими победами. Но вдруг, вместе с мастерски варьированными тактами гимна, где-то сбоку, внизу, в уголку, но очень близко послышались гаденькие звуки Mein lieber Augustin⁹. Марсельеза не замечает их, Марсельеза на высшей точке упоения своим величием; но Augustin укрепляется, Augustin все нахальнее, и вот такты Augustin как-то неожиданно начинают совпадать с тактами Марсельезы. Та начинает как бы сердиться, она замечает, наконец, Augustin, она хочет сбросить ее, отогнать, как навязчивую, ничтожную муху, но Mein lieber Augustin уцепилась крепко: она весела и самоуверенна; она радостна и нахальна; и Марсельеза как-то вдруг ужасно глупеет: она уже не скрывает, что раздражена и обижена, это вопли негодования, это слезы и клятвы с простертыми к провидению руками:

Pas un pouce de notre terrain, pas une pierre de nos fortresses.¹⁰

Но уже она принуждена петь с Mein lieber Augustin в один такт. Ее звуки как-то глупейшим образом переходят в Augustin, она склоняется, погасает.

Изредка лишь, прорывом послышится опять: qu'un sang impur... Но тотчас же преобидно перескочит в гаденький вальс. Она смиряется совершенно: это Жюль Фавр¹¹, рыдающий на груди Бисмарка и отдающий все, все... Но тут уже свирепеет и Augustin: слышатся сиплые звуки, чувствуется безмерно выпитое пиво, бешенство самохвальства, требования миллиардов, тонких сигар, шампанского и заложников; Augustin переходит в неистовый рев... Франко-прусская война оканчивается. *Наши аплодируют, Юлия Михайловна улыбается и говорит: „ну как его прогнать? Мир заключен. У мерзавца действительно был талант“*». Не то что талант, а идея мерзавца совершенно давит его, его не видишь в течение всего дуэта Марсельезы с Mein lieber Augustin, так что подчеркнутые слова встречаешь с некоторым изумлением: читатель совсем было и забыл Лямшина.

Другой пример. Петр Верховенский обнаруживает свою «идею» только в конце второй части романа. И пока этого не случилось, вы можете следить за его фигурой, можете рассуждать удовлетворительна ли она в литературном отношении (весьма неудовлетворительна), какова она, как нравственный тип и т. п. Но вдруг на Верховенского нападает восторженное состояние, оказывается, что онфанатик. Он развивает свою идею. Он восторженно доказывает Ставрогину, что необходимо одно или два поколения разрушения, пожаров, убийств, разврата «неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь». «Начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал. Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам». Тут по плану г. Верховенского надо пустить «Ивана Царевича», роль, предназначаемая им Ставрогину. «Слушайте, я вас никому не покажу, никому: так надо. Он есть, но никто не видал его, он скрывается. А знаете, что можно даже и показать, из ста тысяч одному например. И пойдет по всей земле: „видели, видели“. И Ивана Филипповича бога-саваофа видели, как он в колеснице вознесся пред людьми, „собственными“ глазами видели. А вы не Иван Филиппович; вы красавец, гордый как Бог, ничего для себя не ищущий, с ореолом жертвы, „скрывающийся“. Главное легенду! Вы их победите, взглянете и победите. Новую правду несет и „скрывается“. А тут

⁸ Пусть нечистая кровь напоит наши нивы! (фр.).

⁹ «Мой милый Августин» – популярная немецкая песенка вальсового ритма.

¹⁰ Ни одной пади нашей земли, ни одного камня наших крепостей! (фр.).

¹¹ Французский министр иностранных дел Жюль Фавр (1809–1880) подготовил и заключил Франкфуртский мир 1871 года с Пруссией.

мы два-три соломоновских приговора пустим. Кучки-то, пятерки-то – газет не надо! Если из десяти тысяч одну только просьбу удовлетворить, то все пойдут с просьбами. В каждой волости каждый мужик будет знать, что есть, дескать, где-то такое дупло, куда просьбы опускать указано. И застонет стоном земля: „новый правый закон идет“, и заволнуется море, и рухнет балаган, и тогда подумаем, как бы поставить строение каменное. В первый раз! Строить *мы* будем, мы, одни мы!»

Мы привели только часть практического плана Верховенского, и он еще на нескольких страницах развивает теоретическую сторону своей идеи. И во все это время читатель до такой степени поражен дикой оригинальностью, эксцентричностью идеи, что Верховенского тут как будто и не бывало. Точно вы читаете дику книгу или слушаете дику речь совершенно неизвестного и ни малейше вас не интересующего человека. И замечательно, что исчезновение Верховенского, как образа, как характера, происходит как раз в ту минуту, когда он становится представителем третьей из принятых нами категорий, т. е. когда он переходит в исключительную собственность г. Достоевского. Без сомнения, такое пожирание тучных коров поэзии тощими коровами фантазии людей, находящихся на границе ума и безумия, – в художественном отношении не может быть выгодно. Герои г. Достоевского, давимые идеями, по необходимости бледны, бледнее по крайней мере, чем они могли бы быть нарисованы рукою такого мастера. И в «Бесах» они особенно бледны, здесь нет ни одного образа, равного в художественном отношении фигурам Раскольникову, Свидригайлову в «Преступлении и наказании». Недурен, пожалуй, Шигалев, но он, во-первых, стоит в самом заднем углу, а во-вторых, не развертывает своей идеи вполне, а только показывает один край ее, так что не успевает быть ею придавленным. Вообще же вместо образов *людей, придавленных своими идеями*, в «Бесах» фигурируют *образы, придавленные идеями, обязательно изобретенными для них автором*.

Позволив себе эти беглые эстетические замечания, перейдем к самым идеям. Хорошо или дурно изображены известные типы, но надо еще знать, уместно ли их изображение. Надо знать, с кого г. Достоевский портреты эти писал и где разговоры эти слышал.

В «Бесах» рассказывается история, по внешнему ходу событий и обстановки поразительно сходная с так называемым Нечаевским делом. Есть тут вожак. Верховенский (сын), устраивающий тайное общество посредством целого ряда обманов. Он водит всех за нос каким-то центральным революционным комитетом, связями с международным обществом рабочих, виршами, будто бы в честь его, «студента», написанными *Герирном*. Есть поддельный ревизор, присутствующий с записной книжкой на заседаниях кружка. Есть студент Шатов, постоянно враждующий с вожаком Верховенским. Есть сцена убийства Шатова, которого заманивают в грот в парке и там сначала пристреливают, а потом топят. Есть некто Толкаченко, «странная личность, человек уже лет сорока и славившийся огромным изучением народа, преимущественно мошенников и разбойников, ходивший нарочно по кабакам, впрочем, не для одного изучения народного». И проч., и проч., и проч. В некоторых отношениях романист точно задался мыслью не отступать от сведений, добытых следствием и судом по нечаевскому делу. Так, например, отношения, существовавшие между Нечаевым и Ивановым, не выяснены. Неизвестным и до сих пор остается, хотел ли Иванов сделать донос, или он только в том подозревался, или наконец Иванов совсем по другим причинам мешал Нечаеву. Так дело стоит и у г. Достоевского. Отношения Шатова и Верховенского весьма неясны: автор не позволил себе ни на волос отступить не то что от описываемой им действительности, а даже от действительности, как она выяснилась следствием и судом. Естественное дело, что если важная часть фабулы романа взята из современной и наделавшей шуму истории, то мы вправе ожидать от автора картины современных нравов весьма точной. Странно было бы описывать фактическую сторону дела с фотографической скрупулезностью, а содержание вложить в нее фантастическое или, вообще, несоответствующее.

Но точность поэтической картины есть нечто весьма условное. В действительности есть черты важные и неважные, типические и случайные. Если поэт самым тщательным образом и вполне точно обрисует черты случайные, а не важные, то этим еще отнюдь не достигается поэтическая точность картины. И наоборот; я понимаю, что художник может изобразить, например, лиссабонское землетрясение двумя, тремя человеческими фигурами, если сумеет сконцентрировать в них суть дела. В какой мере точна картина современной жизни, написанная г. Достоевским? Если бы его роман был переведен на какой-нибудь иностранный язык и попал бы таким образом в руки людей, мало или вовсе незнакомых с капризными особенностями нашего даровитого романиста, то они пришли бы в крайнее изумление. Оставляя пока в стороне смысл всего романа, мы видим небольшую группу излюбленных автором героев, молодых людей, занимающихся разрушением религиозных вопросов, в которых для них кульминируется вся злоба дня. «Вы атеист? – Да». – «Веруете вы сами в Бога? – Я верую в Россию, я верую в ее православие. Я верую в тело Христово. Я верую, что новое пришествие совершится в России. – А в Бога? в Бога? – Я... Я буду веровать в Бога». «Вы стали веровать в будущую вечную жизнь? – Нет, не в будущую вечную, а в здешнюю вечную». «Он придет, и имя ему человекобог. – Богочеловек? – Человекобог, в этом разница. – Уж не вы ли и лампадку зажигаете? – Да, это я зажег. – Уверовали?» «Бог необходим, а потому должен быть, но я знаю, что его нет, не может быть». Вот вопросы и ответы, имеющие место между тремя самыми видными из излюбленных героев г. Достоевского. Из этого источника берут начало и их социальные теории. Впрочем, другие действующие лица третьей категорий, Петр Верховенский и Шигалев, строят свои замысловатые теории на других основаниях. Но во всяком случае, имел ли какое-нибудь основание г. Достоевский группировать около нечаевского дела людей, проникнутых мистицизмом? Думаю, что нет, а тем паче не имел он права ставить их типами современной русской молодежи вообще. Такие люди, конечно, возможны и здесь, как и везде. Но мало ли что возможно. Едва ли русская молодежь так пристально занимается мистико-религиозными вопросами. Напротив, направление ее, вообще говоря, чисто практическое, а если кое-кто из нее и занимается социальными теориями, то уж, конечно, не такого характера, каким отличаются теории Ставрогина, Шатова, Кириллова. Замечательно, что молодые люди, представляющие у г. Достоевского «идею, попавшую на улицу», тяготеют к вящему реализму, с задором объявляют, что «нынче нет привидений, а естественные науки» и т. п. Молодые же люди, «съеденные своею идеей», тяготеют в совершенно противоположную сторону. Обстоятельство это в романе ничем не мотивировано, а это жаль. Во всяком случае, если бы г. Достоевский принял в соображение громадную массу русских молодых людей, стремящихся в адвокаты, мировые судьи, проводители усовершенствованных путей сообщения и проч., и проч., и проч.; если бы он прибавил сюда массу молодых людей, настроенных и серьезно, и трезво, наконец если бы он остановил подольше свое внимание на массе молодых верхоглядов, – то он, без сомнения, убедился бы, что теории, подобные шатовским, кириловским, ставрогинским, могут занимать здесь только микроскопически ничтожное место. Он убедился бы даже, что Нечаевское дело есть до такой степени во всех отношениях монстр, что не может служить темой для романа с более или менее широким захватом. Оно могло бы доставить материал для романа уголовного, узкого и мелкого, могло бы, пожалуй, занять место и в картине современной жизни, но не иначе как в качестве третьестепенного эпизода. Но и помимо нечаевского дела, где слышал г. Достоевский, чтобы современные русские молодые люди встречали и провожали друг друга вопросами: вы атеист? вы лампадку зажигали? вы уверовали? Тем паче, где слышал он из уст молодежи такие идеи, как, например: «народ есть тело божие», «русский народ богоносец» и т. п.? Я не спорю, может быть он все это и слышал, но уже, конечно, не имеет права выставлять эти черты, в качестве характерных, типических, на первое место. В начале нынешнего столетия в Париже и в Берлине существовали клубы самоубийц, по статуту кото-

рых члены по жребию должны были убивать себя по одному в год. Это факт любопытный. Но что бы сказали о писателе, который, рисуя картину европейской жизни начала нынешнего века, наполеоновские войны поставил бы в задний угол, а клуб самоубийц на первое место? Писатель этот мог бы быть очень точен в описании своих героев, но несоблюдение правила художественной перспективы испортило бы все дело. Я думаю, что нет надобности настаивать на пункте, который доступен ежедневному наблюдению всех и каждого, и потому позволяю себе сказать афористически: если бы г. Достоевский нарочно искал такой среды, в которой мистические теории были бы совершенно неуместны, то он нашел бы ее в современной русской молодежи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.